

II. БИЦИЛЛИ

ВЪНОКЪ НА ГРОБЪ РОМАНА

Недавно — неизвѣстно точно, котораго числа, мѣсяца и года, — послѣ долгой и тяжелой болѣзни, скончался Романъ. Покойный достигъ весьма преклоннаго возраста — достаточно напомнить, что онъ безъ малаго на два столѣтія пережилъ своихъ сверстниковъ: Оду, Трагедію и Героическую поэму; — въ послѣднее время состояніе его здоровья внушало серьезныя опасенія его многочисленнымъ друзьямъ и знакомымъ, и заставляло ихъ принимать героическія мѣры, дабы хоть нѣсколько отдалить роковую развязку. Однако ничто, даже режимъ усиленнаго питанія преміями, сіе давно испытанное и не однажды засвидѣтельствовавшее свою благотѣтельность средство, не было въ состояніи поддержать съ часу на часъ угасавшія силы страдальца; а неуспѣшное наблюденіе, которымъ онъ былъ окруженъ со стороны авторитетовъ науки, мы боимся, лишь способствовало ускоренію наступленія того момента, когда неизбѣжное свершилось, — хотя, повторяемъ, преждевременной кончину Романа никакъ нельзя назвать.

Жизнь покойнаго столь изобиловала поучительными примѣрами превратности судебъ, что даетъ богатую пищу для размышленій, коимъ какъ нельзя болѣе умѣстно предаться надъ свѣжею могилою. Чтя истину превыше всего, мы рѣшаемся отказаться отъ строгаго соблюденія правила, завѣщаннаго древними римлянами «О мертвыхъ ничего кромѣ хорошаго!» — и открыто заявляемъ — давность происшествій, о которыхъ идетъ рѣчь, да послужить намъ извиненіемъ! — что годы юности усопшаго протекали отнюдь не безупречно и притомъ въ такой обстановкѣ и въ такихъ компаніяхъ, какими люди благовоспитанные справедливо гнушаются.

Однако, можно ли это поставить въ упрекъ покойнику? Никакъ, ибо такъ, еще съ колыбели, было опредѣлено ему фортуною. Въ отличіе отъ своихъ вышеупомянутыхъ сверстниковъ, Романъ увидѣлъ свѣтъ не въ позлащенныхъ чертогахъ Царей, но гдѣ-то въ корчмѣ на большой дорогѣ.¹⁾ Дивится-ли, что побродяги, странствующие комедіанты, кавалеры индустріи и улч-

1) Во избѣжаніе недоразумѣній, укажу, что рѣчь идетъ искл.чительно о Романѣ въ прозѣ, а не о его соименникѣ, Романѣ въ стихахъ. Изъ Пушкина извѣстно, что между обоими романами — существуетъ «дьявольская разниця».

ныя дѣвки были первыми его пѣстунами, а впоследствии сотоварищами его забавъ и упражненій? Отъ нихъ перенялъ онъ и сохранилъ надолго ихъ вкусы, понятія, нравы, повадку и рѣчь, по которой получилъ и самое имя свое, которому пребылъ онъ вѣренъ и тогда, когда судьба неожиданно взыскала его своими милостями и вознесла его на высочайшія степени преуспѣянія и благоденствія.

Съ Романомъ случилось то, что обыкновенно случалось съ его собственными героями. Герой Романа коснѣеть въ безвѣстности и въ ничтожествѣ, водится съ самыми непочтенными людьми, ему самому угрожаетъ опасность стать пропащимъ человѣкомъ — и вдругъ: нѣкто, богатый и знатный, узнаетъ въ немъ свое дѣтище и устраиваетъ его счастье. Отличіе судьбы Романа отъ судьбы его героевъ лишь въ томъ, что, лицо, бывшее виновникомъ переворота, происшедшаго съ Романомъ, искало, если ему вѣрить, не столько того, чтобы его осчастливить, сколько, чтобы ему напакоstitь. Такъ это или нѣтъ, — важно, что, однажды связавшись съ Романомъ, Сервантесъ сталъ ему прямо-таки вторымъ отцомъ и надѣлилъ его всѣми тѣми свойствами, которыми онъ не переставалъ привлекать впоследствии сердца такихъ благодѣтелей, каковы: Фильдингъ и Дикенсъ, Стендаль и Флоберъ, Толстой и Достоевскій.

Встрѣча съ подходящими людьми — дѣло случая. Однако, сдѣланный сейчасъ перечень именъ говоритъ за то, что случай еще не все въ жизни и что переменѣ происшедшую съ Романомъ на половинѣ его жизненнаго пути, едва-ли можно объяснять столь упрощенно, какъ объяснялись подобныя вещи въ старинныхъ романахъ и какъ онѣ уже никогда не объясняются въ новѣйшихъ.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что Романъ, снабженный средствами къ дальнѣйшему безбѣдному существованію благороднымъ испанцемъ, не пожелалъ оставаться въ отечествѣ послѣдняго, а заявилъ себя въ рядѣ другихъ земель обитаемаго міра, однако, отнюдь, не повсемѣстно, а почти исключительно въ трехъ странахъ: въ Англіи, Франціи и въ далекой, варварской Россіи. У итальянцевъ есть только одинъ образецъ подлиннаго, «классическаго», т. е. соціально-психологическаго романа, — «Обрученные» Манцони. Романъ прекрасный, но своею единственностью и несмѣняемостью напоминающій вѣчное дежурное блюдо дешевыхъ ресторановъ. У нѣмцевъ есть Гете, но только: называть творца Вертера и *Dichtung und Wahrheit* творцомъ Вильг. Мейстера, не значить-ли это проявить прямо-таки грубое непониманіе тѣхъ совершеннѣйшихъ образцовъ ху-

дожественной прозы, каковы Вертеръ и *Dichtung und Wahrheit*? А между тѣмъ именно В. Мейстеръ и есть подлинный социально-психологическій романъ «большой формы», — произведение умѣйшее, значительнѣйшее по замыслу, но и невыразимо, невыносимо, безпросвѣтно скучное. Есть у нѣмцевъ новѣйшіе романисты, писатели очень почтенные, очень обстоятельные и даже, можетъ быть, глубокіе; но ихъ романы словно писаны для Нобелевской преміи или «для юношества и самообразованія», и въ концѣ концовъ могутъ прекрасно быть переработаны въ какой-нибудь *Grundriss der Sittengeschichte des... Jahrhunderts quellenmässig dargestellt von...*, ö. o. Professor an der Universität..., in 2 Bänden mit Sach- und Namenregister. (Я оставляю въ сторонѣ упоительные скандинавскіе романы — лирическая поэмы въ прозѣ). Случай Германіи тѣмъ поразительнѣе, что, въ отличіе отъ Италіи, литература которой послѣ Ренессанса, вообще, за малыми исключеніями, заглохла въ провинціализмѣ, были же у него въ новѣйшее время міровые поэты драматурги, наконецъ, единственные, несравненные мастера философско-художественнаго слова, каковы Шопенгауэръ и Ницше.

Въ чемъ тутъ дѣло? При попыткѣ разобраться въ вопросахъ подобнаго рода, вопросахъ исключительной сложности, и дать на нихъ — конечно гипотетическій — отвѣтъ, полезно начинать съ обращенія къ какому-нибудь особо бьющему въ глаза примѣру. Таковъ примѣръ какъ разъ В. Мейстера. Гете, какъ мало кто, проникъ въ самую суть романа, понялъ, до Бальзака и Стендаля, чѣмъ онъ можетъ и чѣмъ долженъ быть, и выполнилъ заданіе съ исключительными добросовѣстностью и самообладаніемъ, не позволяя себѣ никакихъ отклоненій, никакихъ нарушеній внутренняго закона избраннаго имъ «жанра», извлекъ изъ своей темы всѣ возможности, такъ что В. Мейстеръ могъ бы считаться классическимъ, чистѣйшимъ образцомъ романа — не будь онъ до такой степени скученъ. Вопросъ сводится къ тому, почему онъ такъ скученъ. В. Мейстеръ — «образовательный», какъ говорилось тогда, романъ. «Образованіе», т. е. духовное формированіе «героя» протекаетъ здѣсь на нашихъ глазахъ, отъ начатковъ до завершенія. Оно распадается на два большихъ періода. Сперва «годы ученія», затѣмъ — «годы странствованій». Личность сперва слагается въ «маломъ» свѣтѣ, затѣмъ, вступаетъ въ «большой» и научается постепенно познавать свои возможности и свои границы, достигаетъ полноты своего самоосуществленія, своей конкретизаціи, состоящей въ органическомъ единеніи «Я» съ не-Я». Тема В. Мейстера т. обр. связана съ темой Фауста. Но она, т. сказ. скромнѣе, умѣреннѣе — «большой міръ» В. Мейстера все-таки не «Всеединство» Фауста — и тѣмъ самымъ

прозаичнѣ: прямая тема романа, а не мистеріи. И вотъ замѣчательно, что если поэтическая, неизмѣримо, казалось-бы, труднѣйшая, тема Гете далась, если не цѣликомъ, то хоть частично (вся 1-ая часть Фауста, отдѣльныя мѣста 2-ой), то прозаическая, болѣе простая, не далась вовсе. Почему? Потому что этотъ «малый міръ», въ которомъ родился и выросъ Гете, который онъ изобразилъ съ такой пластичностью и свѣжестью красокъ въ *D. und W.*, со «Всеединымъ» былъ связанъ органичнѣ, прочнѣ, нежели съ «большимъ міромъ». Личность, семья, отцовскій домъ въ родномъ городѣ, затѣмъ, сразу, даже не «Вселенная», а именно «Все», «Всеединое». Таковъ міръ Гете, — міръ всякаго истиннаго нѣмца, по крайней мѣрѣ, того времени. Промежуточные же ступени, общество, отечество, нація, — еще только «постулаты разума», а не данные реально объекты.

Вернемся снова къ Донъ-Кихоту. Сервантесъ первый согналъ своего героя съ большой дороги и заставилъ его хоть умереть дома. Расцвѣтъ романа съ этого начинается. Дѣйствіе его съ дороги переносится въ домъ, — сперва въ усадьбѣ, затѣмъ и въ городѣ. Изъ непомнящаго родства, подкидыша, бастарда, герой обращается въ «потомка» и вмѣстѣ «предка», изъ безпаспортнаго босяка — въ собственника, хозяина и гражданина. Торжество романа наступаетъ тамъ и тогда, гдѣ и когда слагается общественный слой, сильный въковой традиціей, сохраняющій свою собственную, специфическую фізіономію, и вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ того какъ онъ — волею или неволею — сталъ носителемъ общенародной идеи, исполнителемъ обще-національной задачи, вступившій въ стадію рефлексіи, критики, самосознанія. Герой новаго романа уже не авантюристъ, не «чистая личность», которая тѣмъ самымъ и безличность, общее мѣсто любыхъ «возможностей»; онъ приобретаетъ осѣдлость и вмѣстѣ съ нею — характеръ; онъ — часть быта, но часть мыслящая и отвѣтственная: ибо онъ, осуществляя свою судьбу, «представляетъ» свой классъ, свое сословіе и свой народъ. Въ такомъ положеніи былъ англійскій *country-gentleman*, начиная со времени Перваго Георга, русскій помѣстный дворянинъ со времени Петра, французскій буржуа съ того же времени. Англія, Франція, Россія — три страны, первыми осуществившія національно-государственное объединеніе и жившія полной и богатой національной жизнью, между тѣмъ какъ Испанія, послѣ слишкомъ быстрого подъема, впала въ долгій сонъ, а въ Германіи и въ Италіи провинція и городъ возобладали надъ общимъ отечествомъ.

Національное возрожденіе, реализація общенародной идеи наступили въ этихъ послѣднихъ странахъ поздно, уже при тѣхъ социальнo-бытовыхъ

условіяхъ, которыя привели къ тому, что Романъ и тамъ, гдѣ было его собственное царство, сталъ клониться къ упадку. Агентомъ исторической жизни, гражданиномъ, выразителемъ «общей воли», сталъ въ нашей время человекъ, въ одномъ отношеніи похожій на героя стариннаго, «плутовскаго» романа. Тотъ былъ существомъ, потерявшимъ свой классъ, свой домъ, свой бытъ. Этотъ, сидя дома, оставаясь въ рамкахъ своего класса и въ условіяхъ своего быта, живетъ все равно что внѣ дома, внѣ класса, внѣ быта, ибо классы уравнились, бытъ «стандардизовался», домъ смѣнился квартирой. Тотъ былъ безличенъ, ибо оторвался отъ среды, и будучи ничѣмъ, былъ тѣмъ самымъ «способенъ на все» въ томъ смыслѣ, что съ нимъ могла случиться любая авантюра — въ поискахъ ея онъ и мотался по большой дорогѣ; — этотъ безличенъ потому, что всецѣло связанъ съ насквозь «стандардизованной», обезличенной средой, и вся его жизнь — сплошной для него случай, строжайше предусмотрѣнный какой-то конъюнктурой, непреложной волей какого-нибудь концерна анонимныхъ акціонерныхъ компаній, этой его раціонализованной, разоблаченной, но не менѣе отъ этого могущественной Судьбой.

Въ различныхъ условіяхъ по разному возникаетъ и различный характеръ пріобрѣтаетъ личное сознание. Герой классическаго романа достигалъ самосознанія какъ отвѣтственный исполнитель миссіи, выпавшей на его родъ, на его классъ, его родину. Герой стариннаго «дорожнаго», «плутовскаго» романа, съ которымъ могло «все случиться», тѣмъ самымъ склоненъ былъ считать себя способнымъ на все и ко всему. Новѣйшій человекъ, съ которымъ случается только то, что «со всѣми», и который не отвѣчаетъ ни за что, имѣетъ особую амбицію: единственной возможностью для него не слиться со всѣми, сохранить себя, кажется для него — уйти въ себя, отдѣлить свою, единственную, свою собственную «внутреннюю» жизнь отъ всеобщей, одинаковой «внѣшней». Онъ возводитъ себя въ герои новаго романа, въ которомъ уже нѣтъ среды, ни быта, нѣтъ и событій, «внѣшнихъ фактовъ», — развѣ только какъ поводы для «переживаній». Тѣмъ значительнѣе для него все «внутреннее», духовное или матеріальное, — безразлично; все — вплоть до разнаго рода секретій, каковымъ тоже отводится мѣсто — и немалое — въ произведеніяхъ новѣйшаго фасона, выдающихъ себя за наслѣдниковъ покойнаго Романа.

Случается порой и Новому Человѣку выглянуть на свѣтъ божій и удостоить «внѣшнее» своимъ милостивымъ вниманіемъ. Что же онъ видитъ тогда? Не знаю, былъ-ли къмъ либо замѣченъ фактъ необыкновеннаго разви-

тія, въ современной литературѣ, п а р о д і я. Пародія есть особый видъ насмѣшки, болѣе коварный и ядовитый, чѣмъ карикатура. Эффектъ несоотвѣтствія между ожидаемымъ и воспринимаемымъ, лежащій въ основѣ комическаго, въ карикатурѣ достигается тѣмъ, что въ ней подчеркиваются, выпячиваются, нѣкоторыя черты въ изображаемомъ. Три, равнымъ счетомъ, волоса на головѣ Бисмарка, — вотъ простѣйшій примѣръ карикатуры. Въ пародіи высмѣиваемыя черты не шаржируются, не преувеличиваются, а только обезсмысливаются. Достигается это тѣмъ, что въ опредѣленную форму вливается постороннее, съ ней не связанное, ее прямо-таки подчасъ исключющее содержаніе. Тѣмъ самымъ, изъ органическаго единства символовъ, форма обращается въ кучу «пріемовъ». Карикатура всегда трактуетъ свой предметъ какъ живую величину; она участлива и сочувственна. Три волоска Бисмарка смѣшать лишь того, для кого Бисмаркъ — конкретный человѣкъ, а не «представитель германскаго имперіализма». Идіотская, автоматическая скудность Гарпагона или Плюшкина смѣшить насъ лишь въ томъ случаѣ, если мы воспринимаемъ ихъ какъ мыслящія, сознательно-волящія существа. Напротивъ, если что-либо становится предметомъ пародіи, то это значитъ, что оно для пародирующаго умерло. Такъ обычнымъ предметомъ пародіи были до сихъ поръ литературные «жанры», стили, «пріемы» — именно тогда, когда они начинали восприниматься какъ «пріемы», когда отъ нихъ отлетала та ихъ душа, которой они были символами. У Пруста пародированы различные соціально-культурные стили французскаго общества. Въ романахъ великолѣпнаго знатока Италіи Aldous Huxley, пародированы жизненные стили чуть-ли не всѣхъ эпохъ ея исторіи. Это еще бы ничего. Но у Пруста, предметомъ пародіи бываетъ сама жизнь, а у Андре Жида она является уже единственнымъ такимъ предметомъ. Что это значитъ? Обезсмысленіе жизни у ея пародистовъ состоитъ не въ томъ, что «возвышенное», въ изображеніи ея у нихъ, отступаетъ передъ «низменнымъ», «красивое» — передъ «безобразнымъ», «героическое» передъ «пошлымъ», но въ томъ, что и «возвышенное» и «красивое» и «героическое» объясняются, а объясненіе заключается въ «сведеніи» объясняемаго къ простѣйшимъ психо-физическимъ процессамъ. Элементы этого обращенія съ жизнью даны уже у «великаго упростиателя» какъ недавно назвалъ Толстого С. В. Завадскій. Однако, упрощая, разлагая, Толстой даетъ новый синтезъ жизни; ибо онъ оперируетъ, т. ск., изнутри, участвуя всѣмъ своимъ существомъ въ той Все-жизни, что даетъ себя знать въ процессахъ, на какіе онъ «сводитъ» ея высшія проявленія. Поэтому, сводя высшее къ низшему, Толстой не обезсмысливаетъ его; разлагая Сложное на

Простое, не умерщвляетъ его, разоблачая секреты живущихъ, дѣлаетъ лишь ощутимѣе Тайну самой Жизни. Прусть, Поль Валери и Жидь, оперируютъ извнѣ; не соперживаютъ, а наблюдаютъ, не соучаствуютъ, а принимаютъ къ свѣдѣнію (Америка и Лига Націй!) и потому, разоблачая современную культуру, «сводя» ее къ сплошному ряду «пріемовъ», въ конечномъ итогѣ обезсмысливаютъ Все. Толстой подчиняетъ Жизнь Х о з я и н у. Новый Человѣкъ сотворилъ себѣ божество иного сорта, Господина Голову (Monsieur Teste), Поля Валери, божество, наконецъ-то избравшее позицію достойную своего сана, уже по настоящему трансцендентное, не то что всѣ прежніе боги, относительно которыхъ свѣдущіе люди терялись въ догадкахъ: трансценденты-ли они по отношенію къ Міру, или иманентны. Это божество не достаиваетъ матеріи своимъ прикосновеніемъ — какъ бы рукъ не замарать? Творить, распорядиться, — для него дѣло черезчуръ хлопотливое и неопрятное. Оно только познаетъ. Это его монополія; у познаваемого же отымается всякій его собственный смыслъ. Жизнь обращается тѣмъ самымъ въ свою собственную Пародію. Надо отдать справедливость Андре Жиду: у него все-же есть какой-то Идеалъ полной, цѣлостной жизни. Но привычка-ли къ Пародіи, или то обстоятельство, что въ эмпирической жизни онъ не видитъ ни намека на воплощеніе этого идеала, — только его собственныя воплощенія цѣлостнаго человѣка сами сбиваются на пародіи. Романъ-же, изображающій пародію на жизнь, самъ можетъ быть только пародіей романа. Жидъ этого и добивается, намѣренно сшивая матерію своихъ романовъ бѣлыми нитками, механизуя конфликты, утрируя параллелизмы ситуацій и т. п.

Надѣмся, что всѣмъ вышеизложеннымъ мы успѣли окончательно убѣдить любезнаго читателя въ истинности печальной вѣсти о смерти Романа. А теперь, слѣдуя классическому пріему романистовъ, мы подносимъ читателю сюрпризъ и радуемъ его извѣстіемъ, что Романъ снова воспроизвелъ судьбу столькихъ своихъ героевъ. Начавши за упокой, мы кончаемъ за здравіе. Романъ и не думалъ умирать. Это намъ такъ только показалось, по причинѣ узости нашего кругозора, — свойство всѣхъ любителей Изящнаго. Мы все смотрѣли въ литературу; что бы намъ заглянуть и въ беллетристику? Плебейское происхожденіе Романа выдало таки себя. Его аристократическіе сверстники умерли разъ навсегда, не торгуясь съ жизнью. У Романа на это не хватило доблести и достоинства. Разоблаченный и высмѣянный, выгнанный изъ литературы, гдѣ онъ занималъ положеніе поистинѣ царственное, обратно въ беллетристику, изъ которой онъ нѣкогда вышелъ, онъ не сторѣлъ со стыда, онъ не изнемогъ подъ ударами Рока, а проявилъ удивительную и,

правду говоря, мало привлекательную живучесть. Пріютившись на пятой страницѣ ежедневной газеты, онъ терпѣливо дожидается читателя — и оказывается правымъ: вѣрный старому другу, читатель, минуя Бунина, Тэффи и Ремизова, пробирается къ нему на газетные задворки и съ тѣмъ же нетерпѣніемъ, кажушимся цѣнителямъ изящнаго тупоумнымъ, на самомъ дѣлѣ глубоко человѣческимъ, — съ какимъ онъ нѣкогда торопился узнать, свидится-ли Хариклея съ возлюбленнымъ Ѡеагеномъ, удастся-ли душкѣ-рыцарю выбраться изъ заколдованнаго лѣса, ждетъ, чтобы красивый и симпатичный агентъ Скотландъ-Ярда раскрылъ передъ нимъ тайну убійства мистера Валькина и снялъ бремя подозрѣнія, тяготѣющаго надъ невинной дактило.

Изъ исторіи Романа, хронологически совпадающей съ исторіей умѣющаго грамотѣ Человѣка, позволительно извлечь нѣкоторую мораль. Мѣняются эпохи, боги, культы — но все это пустяки и одна видимость: ибо любезный читатель *Recognitiones*, Амадиса Галльскаго и Арсена Люпѣна, остается тѣмъ же самымъ любезнымъ читателемъ, какимъ онъ былъ во времена царя Турна и Иосифа Прекраснаго, безсмѣннымъ, присносущимъ, тождественнымъ себѣ и развѣ что смѣнншимъ хитонъ на епанчу и епанчу на пиджакъ. Смерть Романа въ литературѣ и его посмертная жизнь въ беллетристикѣ — впрочемъ, онъ жилъ въ ней всегда, и можно было бы написать его *biographie romanesque* подъ заглавіемъ «Двойная жизнь Романа», — явленіе, имѣющее значеніе символа. Оно говоритъ о смерти культуры Новаго времени, событіи, спору нѣтъ, весьма прискорбномъ, но до котораго подавляющему большинству людей, именуемыхъ культурными, не болѣе дѣла, какъ до прошлогодняго слѣга. А изъ этого слѣдуетъ, что исторія вовсе не такая ужъ важная вещь, какъ это вообразили себѣ историки. Историкамъ и философамъ культуры любезный читатель съ полнымъ правомъ противопоставляетъ скотницу Хавронью, бывшую, какъ извѣстно, мастерицею сказывать и с т о р і и.